

СКАНДИНАВЫ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Ярославское Поволжье является одним из важнейших регионов Древней Руси, где для периода раннего средневековья археологически зафиксировано скандинавское присутствие. Достоверные скандинавские, этнически определяемые погребальные комплексы и отдельные вещи северного происхождения выявлены во всех трех широко известных ярославских курганных могильниках — Михайловском, Тимеревском, Петровском. Скандинавские элементы представлены находками в культурном слое и постройках Тимеревского поселения, а также руническими граффити на монетах Тимеревского клада дирхемов, зарытого в землю в конце IX столетия.

Древности Ярославского Поволжья уже давно используются исследователями для изучения так называемого варяжского (норманнского) вопроса, ими активно оперировали в своей давней и острой дискуссии норманнисты и антинорманнисты.

Один из первых исследователей ярославских курганов, местный краевед, секретарь Ярославской губернской ученой архивной комиссии И. А. Тихомиров отмечал, что основная масса погребений Михайловского и Тимеревского могильников под Ярославлем принадлежит варягам, да и собственно сама курганная традиция принесена в Ярославское Поволжье норманнами (Тихомиров 1909: 90). Подтверждение этому выводу он видел в летописном сообщении о призвании на Русь варягов. В развернутом виде взгляды на Балтийско-Волжский путь как исконно варяжский и на Ярославское Поволжье как скандинавскую колонию были изложены в исследованиях видного шведского археолога Т. Арне, который для подтверждения своих заключений специально приезжал в Ярославль и проводил раскопки курганов Михайловского могильника, где он в самом деле раскопал несколько норманнских погребений (Arne 1914: 52–54, 222; 1918: 47). В работах Ю. В. Готье и П. П. Смирнова погребальные комплексы

под Ярославлем рассматриваются как созданные исключительно скандинавами (Готье 1929: 140; Смирнов 1929: 223). Ю. В. Готье полагал, что внутри в целом славянского поселения под Ярославлем (имелось в виду гипотетическое и еще в то время не открытое археологами Тимеревское поселение) была норманнская колония, являвшаяся опорным перевалочным пунктом на середине пути из варяг на восток (в Хвалиссы). Его заключение конкретизировал И. Бронстед, считавший, что эту «скандинавскую колонию» под Ярославлем основали выходцы из Норвегии (Bronsted 1960: 68–89).

Антинорманнская позиция была сформулирована в исследованиях отечественных археологов Я. В. Станкевич, Е. И. Горюновой, П. Н. Третьякова. Первая, проводившая раскопки курганов Тимеревского и Михайловского могильников, связала все погребения, исследованные ею и ее предшественниками, со славянами, не отметив совсем наличия скандинавских комплексов (Станкевич 1941: 83). Е. И. Горюнова считает, что наличие в ярославских курганах привозных вещей скандинавского происхождения свидетельствует лишь «о существовании в этот период оживленных торговых сношений Поволжья и Ростово-Суздальской земли с северными странами» (Горюнова 1961: 185). Этот тезис вызывает большие сомнения, ибо в то время вряд ли могли осуществляться такие дальние прямые торговые связи. Скорее всего, эти скандинавские вещи могли оказаться в Ярославском Поволжье либо вместе с их владельцами, либо путем торговли, но через посредников и, вполне возможно, через ту же Ладогу — первым со стороны Скандинавии древнерусским торгово-ремесленным раннегородским центром и первой столицей Древней Руси. Ведь Ладога была ключевым пунктом на Балтийско-Волжском пути, и именно через этот город попадали на две важнейшие древнерусские водные артерии — путь из варяг в греки по Дне-

пру и из варяг в Хвалиссы по Волге. П. Н. Третьяков, присоединяясь к Я. В. Станкевич и Е. И. Горюновой, вообще не видит никакой сколько-нибудь значительной роли скандинавов в формировании древнерусской народности, ее материальной и духовной культуры (Третьяков 1970: 122–141).

В принципе к этим взглядам когда-то примыкала одна из главных исследовательниц Тимеревского некрополя М. В. Фехнер, которая отмечала, что «ничтожное [подчеркну «ничтожное». — И. Д.] число скандинавских погребений данного некрополя свидетельствует о том, что осевшие в X в. в Ярославском Поволжье незначительные группы норманнов в XI в., по-видимому, уже ассимилировались местным населением» (Фехнер 1963: 17). Спустя двадцать лет я в целом разделял данную позицию, кроме датировки, так как полагал, что незначительное количество скандинавов попало в Ярославское Поволжье вместе с первой волной славянского заселения этого региона, но только не в X, а столетием раньше — в IX в. (Дубов 1984: 56). Через двадцать пять лет после первой сводной публикации ярославских могильников, осуществленной коллективом сотрудников Государственного Исторического музея во главе с М. В. Фехнер, ее взгляды существенно изменились. Она уже выделила скандинавов в качестве второй этнической группы Тимеревского погребального комплекса. К этому времени фонд исследованных погребений достиг цифры 464. Из них, по мнению М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной, этнически можно определить 256 захоронений, что составляет более 50% от общего числа. По их заключению, на первом месте находятся финно-угорские комплексы — 135 (немногим более 50% от этнически определяемых). Типично скандинавский инвентарь содержат 64 погребения — порядка 25% от числа этнически определяемых или около 15% от общего количества исследованных погребальных комплексов. Заметим, что в публикации 1963 г. к скандинавским М. В. Фехнер относила лишь 4% комплексов, а также утверждала и другой порядок распределения этносов — финно-угры, славяне и лишь потом скандинавы. Теперь все изменилось. Славянские захоронения состав-

ляли несколько меньшую группу, нежели скандинавские, — 57 погребений (более 20%). Все эти данные и послужили для вполне логичного заключения, согласно которому «население, оставившее Тимеревский могильник, было неоднородным в этническом отношении с явным преобладанием финского элемента...» (Фехнер, Недошивина 1987: 87). Такой вывод, вероятно, имел бы полное право на истинность, если бы создание Тимеревского могильника было краткосрочным, единовременным, разовым актом, а не имело место функционирование его как кладбища в течение двух с половиной столетий. Да еще каких столетий — переломных в истории Древней Руси, когда стремительно убыстрился процесс государствообразования (летописное «призвание варягов»), связанного со славянской колонизацией новых земель, в том числе и Волго-Окского междуречья, главным проявлением которой были массовые передвижения населения и проникновение славян в различные иноэтничные среды, и в частности в финно-угорскую. Хорошо известно, что финно-угры, в данном случае меря, были крайне редким населением и такие протогородские центры, как Тимеревский, возникали в результате славянского расселения, в состав которого входили и скандинавы, а уже затем сюда стягивалось местное аборигенное население.

Погребальные комплексы славянских переселенцев крайне бедны — трупосожжения на стороне, практически лишенные инвентаря. В Тимереве их много. Поэтому возникают сомнения, что здесь доминирует финно-угорский компонент. Однако скандинавские погребения в любом случае по своему количеству все равно находятся на втором месте.

Одним из таких ярких погребальных комплексов, явно скандинавским и каким-то образом имеющим отношение к Ладоге, а точнее к могильнику в урочище Плакун, является захоронение под курганом № 95 Тимеревского могильника. Материалы данного погребения полностью опубликованы (Дубов 1976: 82–86). Здесь обнаружено трупосожжение на месте, и в связи с этим многие вещи на кострище либо сильно повреждены огнем, либо сильно оплавлены, либо просто стали неуз-

наваемы. Рядом с кострищем находилась вымостка из камней, выложенная в форме лады.

Основную часть вещей, найденных на кострище, составляют женские украшения. Среди них выделяются две ажурные серебряные биконические бусины из рубчатой проволоки. Им известны многочисленные аналогии в Скандинавии, и поэтому найденные в погребении Тимеревского могильника явно имеют северное происхождение. На территории Древней Руси аналогичные бусины в количестве четырех экземпляров найдены в кургане урочища Плакун, сугубо скандинавском могильнике в Ладого. Интересен составной односторонний гребень с орнаментом в виде плетенки и меандра на накладке. Он, так же как и бусы, датируется IX столетием (определение О. И. Давидан). Кроме того, ряд других вещей, например бронзовая фибула, позволяет говорить о ранней дате данного захоронения — IX столетие. Это же подтверждают и датировки обнаруженных здесь трех восточных монет, чеканенных во второй половине VIII в. и, видимо, попавших в погребение в IX в.

Датировка этого погребения (IX в.) говорит в пользу того, что уже в это время в Ярославском Поволжье мы находим следы пребывания скандинавов.

Чрезвычайно интересной для нашей темы является серия захоронений с мечами, которые известны в основном в двух ярославских могильниках — Михайловском и Тимеревском. Мечи обнаружены в девяти погребениях этих некрополей.

Существуют разные оценки как этнической принадлежности комплексов с мечами, так и социальной значимости захороненных здесь людей. Ранее наиболее распространенной точкой зрения, согласно которой наличие меча в погребении говорило лишь о социальной принадлежности захороненного к верхушке общества, а отнюдь не его этнической характеристике. М. В. Фехнер и Н. С. Недошивина отмечали, что «среди воинских захоронений второй половины X в. выделяются могилы знатных дружинников с мечами и разнообразным набором инвентаря (курганы 100 и 295), принадлежавшие, бесспорно, верхушке феодальной знати» (Фехнер, Недошивина 1987: 88). Они включали их наряду с другими

в состав погребений «феодализирующейся знати» (Недошивина, Фехнер 1985: 113). А. Н. Кирпичников отмечает: «Очевидно, что меченосцы были воинами-дружинниками, нередко купцами или сборщиками дани, иногда, может быть, привилегированными ремесленниками» (Кирпичников 1966: 24). Однако, по мнению И. Я. Фроянова, мечи имели широкое распространение в Древней Руси, и их владельцами была не только знать (Фроянов 1980: 193).

Как видим, ни один из названных исследователей, да и многие другие, например Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, не дают этнической оценки захоронений с мечами. Более того, А. Н. Кирпичников отмечает: «Об этнической принадлежности воинов-меченосцев судить трудно: в погребениях меч — признак не этнический. Решить племенную принадлежность воинов можно на основе всестороннего изучения всего инвентаря. В курганах русских областей с мечами в большинстве случаев захоронены представители дружинной верхушки... Некоторые погребения с мечами, вероятно, окажутся скандинавскими» (Кирпичников 1966: 25). Таким образом, только А. Н. Кирпичников указывает на то, что такие комплексы могут нести определенную этническую окраску, в данном случае скандинавскую.

Анализ погребений с мечами ярославских могильников (Тимеревского, Михайловского) определенно показывает, что они принадлежали не каким-то «феодалам» или «боярам», а скорее всего, предводителям скандинавских военно-торговых отрядов. Михайловское и Тимерево в X в. являлись полиэтничными торгово-ремесленными протогородскими центрами на Великом волжском пути, где часто бывали, останавливались и, возможно, жили не только торговцы (как правило, они же воины), но и целые их товарищества или отряды.

Наличие в X в. в Ярославском Поволжье скандинавских погребальных комплексов с мечами, в которых захоронены представители торгово-дружинного сословия, вполне реально отражает ту роль, которую играл данный регион в трансъевропейских экономических и культурных связях Древней Руси.

Мы охарактеризовали лишь отдельные скандинавские погребения в ярославских могильниках. Они, а также и другие говорят в пользу того, что норманны наряду со славянами были одними из создателей протогородов на пути из варяг в Хвалиссы.

Совершенно новой категорией источников по истории Древней Руси являются граффити на восточных монетах — дирхемах, происходящих из кладов и погребений, найденных в том числе и в Ярославском Поволжье. В Тимеревском кладе обнаружены исключительно отдельные рунические знаки и одна полноценная надпись. Отдельные знаки, видимо, являются охранительными для клада, из которого происходят монеты с этими рунами, и означают они «град», «болезни», «несчастье». Безусловно, наибольший интерес представляет надпись, которая читается как «gud». Эта форма могла употребляться и для обозначения языческих богов, и ее можно переводить как «боги». Согласно второму варианту, она могла означать и христианского бога. Скорее всего, рассматриваемая надпись могла быть сделана человеком, уже познакомившимся с христианством. Монета могла служить амулетом, именно поэтому для надписи использовались не младшие, а старшие руны, ибо только последние обладают большой магической силой. Не исключено, что эта монета культового клада, и, видимо, Тимеревский клад таковым и был. Снорри Стурлусон сообщает в «Саге об Инглингах», что Один брал дань со шведов, обеспечивал им взамен урожайный год и мир. Возможно, что эта дань состояла из кладов, о чем также говорится у Снорри. Вполне вероятно, что скандинавы эпохи викингов, знакомые с христианством, обращались к христианскому богу, используя языческие обряды (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1977: 147–148).

Все изложенное выше может означать, что Тимеревский клад был зарыт в землю скандинавами и носил культовый характер.

В культурном слое и постройках Тимеревского поселения также обнаружены находки северного, скандинавского происхождения. Однако устойчивого норманнского комплекса вещей на поселении не найдено. Трудно уверенно сказать, с чем это связано. Вполне

возможно, что они дорого ценились и в основном вместе с их владельцами попадали обычно только в захоронения. Следует назвать некоторые вещи с поселения, имеющие явно скандинавское происхождение, правда, составляющие мизерный процент от общего числа находок. Это несколько гребней с орнаментом в виде плетенки, иглы от скорлупообразных фибул; фрагмент позолоченной фибулы, украшенной звериными масками; два бронзовых фрагмента деталей от портупей для ношения меча с изображением борющихся зверей в стиле «Борре» (звери, пожирающие друг друга); серебряная подвеска с изображением сегнерова колеса, аналогии которой известны в кладах Готланда и Швеции; бронзовый перстень с изображением птицы, стилистически восходящий к северным сюжетам; ажурная бронзовая привеска и другие. Привеска, по определению М. В. Седовой, имеет североирландское происхождение и могла попасть в Тимерево через Скандинавию вместе с ее владельцем. Кроме того, на окраине поселения близ могильника найден франкский меч, происходящий, скорее всего, из распаханного кургана. Перекрестие меча украшено зонным ячеистым орнаментом и серебряной платировкой, по краям оно было окантовано витой серебряной проволокой. На торцах перекрестия сохранились железные шпеньки, к которым, возможно, крепились кожаные прокладки. После расчистки, произведенной А. Н. Кирпичниковым, на клинке была выявлена выполненная металлической проволокой надпись «ULFBERHT» — клеймо известной Рейнской мастерской. Все буквы сохранились отчетливо, равно как и вступительный и заключительный кресты. На другой стороне клинка — орнаментальная композиция в виде перекрещенных полос. Такой рисунок весьма обычен в сочетании с именем «ULFBERHT». Сам меч относится к типу E, русские находки этого типа датируются X в. Ячеистый орнамент на деталях рукояти сгруппирован в семь ромбов, что свидетельствует об изготовлении клинка после середины X в.

Как видим, во всех категориях древностей протогородских центров Ярославского Поволжья — погребальных, поселенческих, кла-

дах — в той или иной степени представлены скандинавские элементы.

Первопоселенцами в протогородских центрах Ярославского Поволжья в середине IX в. были северо-западные славяне (словене новгородские) и норманны. Вплоть до середины X в. они доминировали в них, и лишь во второй половине этого столетия усиливается роль аборигенного финно-угорского населения. В итоге все три компонента становятся главными составляющими формирующейся на Северо-Востоке древнерусской народности.

Исходя из анализа погребальных древностей Ярославского Поволжья IX — начала XI в., следует говорить не об ассимиляции варягов местным населением, а об органичном их вхождении в состав местного формирующегося общества. Скандинавам удалось войти и

в состав «феодализирующейся знати». Именно скандинавы, наряду со славянами, составили основу его торговой и военно-дружинной прослойки, против которой и были направлены неоднократные «народные» (они же финно-угорские) выступления, в том числе и зафиксированное летописью под 1071 г. восстание под руководством волхвов. Эти социальные коллизии явно имели этническую окраску и являлись вполне объективным отражением процесса становления раннефеодального общества, пришедшего на смену родоплеменному строю. Его утверждению в Залесском крае немало способствовали выходцы из Скандинавии, реальные следы постоянного, а не эпизодического присутствия которых сохранились в археологически выявленных источниках как погребальных, так и поселенческих.

Литература

- Горюнова 1961
 Готье 1929
 Добровольский, Дубов, Кузьменко 1977
 Дубов 1976
 Дубов 1984
 Кирпичников 1966
 Недошивина, Фехнер 1985
 Смирнов 1929
 Станкевич 1941
 Тихомиров 1909
 Третьяков 1970
 Фехнер 1963
- Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1961
Готье Ю. В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. М., 1929
Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Рунические граффити на восточных монетах // *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977
Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. Вып. 146. М., 1976
Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1984
Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ. Вып. 1. М.; Л., 1966
Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2
Смирнов П. П. Волдыкий шлях і стародавній Руси. Київ, 1929
Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. // МИА. № 6. М.; Л., 1941
Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы? // Труды III областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909
Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности // МИА. № 179. Л., 1970
Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963

- Фехнер, Недошивина 1987 *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2
- Фроянов 1980 *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980
- Arne 1914 *Arne T. S.* La Suide et L'Orient. Uppsala, 1914
- Arne 1918 *Arne T. S.* Ett svenskt grawjalt i guvernement Jaroslaw Russland. Fornvännen, 1918
- Bronsted 1960 *Bronsted I.* Vikingerne. Kobenhavn, 1960

Н. А. Макаров, Г. Л. Новикова
ИА РАН, Москва

ДРЕВНЕЙШИЙ НЕКРОПОЛЬ ЛЕТОПИСНОГО БЕЛООЗЕРА

Интерес к средневековым погребальным памятникам на Белом озере, впервые проявившийся еще в середине прошлого века, когда Ю. Б. Иверсен произвел первые раскопки курганных насыпей в урочище Старый город недалеко от истока Шексны, в значительной степени обусловлен летописными свидетельствами. Согласно им Белоозеро — один из древнейших русских городов, один из трех центров государственного образования, сформировавшихся на севере Русской равнины в середине IX в., месте княжения Синеуса — брата Рюрика. Однако большинство средневековых могильников, исследованных к настоящему времени на Белом озере и в верхнем течении Шексны, на территориях, составляющих историческое ядро Белозерья (Макаров 1990; Макаров 1997), датируются XI — первой половиной XIII в. — т. е. временем, далеко отстоящим от начального момента становления Белоозера. Почти все могильники второй половины — конца I тыс. н. э., выявленные и исследованные в Белоозерском регионе (Башенькин 1995), концентрируются на его юго-западной периферии, в бассейне средней Мологи и Суды, на значительном удалении от исторического центра. Тем больший интерес представляет открытие погребального комплекса с кремациями в могильнике Крохинские Пески — некрополе летописного города Белоозеро, где ранее были исследованы лишь комплексы конца XI—XIII вв. (Макаров 1990).

Урочище Крохинские Пески представляет собой поросшую соснами песчаную грядку длиной около 700 м, возвышающуюся над окружающей местностью на 1—2 м. Первоначальный облик урочища сильно нарушен разработкой карьера, но и сейчас заметно, что он отличается от обычных для побережья Белого озера ландшафтов — плоских, часто подболоченных низменностей, поросших смешанным лесом. Первые средневековые погребения были зафиксированы здесь в 1969 г., спустя четыре года после завершения основных раскопок Старого города — Белоозера, в ходе производившихся С. В. Ошибкиной поисков неолитического могильника. На разрушенном карьером участке гряды ею были расчищены 4 плохо сохранившихся костяка, в ногах одного из которых находились украшения и бытовые вещи второй половины XII—XIII вв. (Ошибкина 1972: 65—69). Локализовать место этих раскопок сейчас можно лишь приблизительно. Соседство могильника со Старым городом (С. В. Ошибкина оценила расстояние между ними в 0,5—0,7 км) делало очевидной связь между этими памятниками. В 1983 г. Онежско-Сухонская экспедиция продолжила раскопки в Крохинских Песках, заложив траншею на северной окраине той же дюны — единственной ее части, уцелевшей после разработки карьера — в 0,4 км от Шексны (рис. 1). В небольшом раскопе было исследовано 14 ингумаций с западной ориенти-